

АНАЛИЗ ПРАКТИКИ СУДА  
ЕС ПО ДЕЛАМ ОБ  
ОСПАРИВАНИИ  
ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР  
(САНКЦИЙ) В ОТНОШЕНИИ  
РОССИИ



АНАЛИТИЧЕСКАЯ СПРАВКА

**Анализ практики Суда ЕС по делам об оспаривании ограничительных мер (санкций) в отношении России**

Слепак Виталий Юрьевич,  
к.ю.н., доцент кафедры  
интеграционного и европейского права

Москва, 2022

## **Анализ практики Суда ЕС по делам об оспаривании ограничительных мер (санкций) в отношении России**

### *Общие положения об ограничительных мерах (санкциях) ЕС*

В ЕС санкции<sup>1</sup> рассматриваются как один из основных «несиловых» механизмов, необходимых для воздействия на третьи страны, а также на отдельных физических и юридических лиц для достижения целей Союза. Внешнеполитические цели ЕС приведены в статье 21 Договора о Европейском Союзе (ДЕС), которая включает помимо прочего указание на ценности, которые Союз стремится продвигать в остальном мире: демократия, правовое государство, всеобщность и неделимость прав человека и основных свобод, уважение человеческого достоинства, принципы равенства и солидарности. Кроме того, применение ограничительных мер возможно для обеспечения основополагающих интересов безопасности ЕС, независимости и целостности; консолидации и поддержки демократии, правового государства, прав человека и принципов международного права; сохранения мира, предотвращения конфликтов и укрепления международной безопасности.

Правовой основой для введения ограничительных мер выступает ст. 29 ДЕС, позволяющая Союзу принимать решения, определяющие позицию Союза по отдельным вопросам географического или тематического характера. Однако в связи с тем, что социально-экономические аспекты внешнеполитического характера фактически изъяты из сферы действия Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ), уполномочивающей статьей для введения ограничительных мер в экономической сфере выступает ст. 215 Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС).

Таким образом, для введения ограничительных мер в ЕС издаются два правовых акта: решение и регламент. Решение является обязательным в полном объеме, не направлено на изменение содержания национальных правовых актов. Регламент – имеет общее действие, является обязательным

---

<sup>1</sup> В Европейском Союзе в качестве официального термина используется понятие «ограничительные меры», а не санкции. В настоящем заключении термины «санкции» и «ограничительные меры» будут использоваться как синонимы, поскольку явных различий между данными понятиями в правоприменительной практике нет.

для физических и юридических лиц в полном объеме, для его применения в государствах-членах не требуется издания национальных правовых актов.

Основными правовыми актами ЕС об ограничительных мерах в отношении России из-за ситуации вокруг Украины являются:

- Решение Совета ЕС № 2014/145 «Об ограничительных мерах в отношении действий, подрывающих или ставящих под угрозу территориальную целостность, суверенитет и независимость Украины» от 17 марта 2014 года<sup>2</sup> и Регламент Совета ЕС № 269/2014 «Об ограничительных мерах в отношении действий, подрывающих или ставящих под угрозу территориальную целостность, суверенитет и независимость Украины»<sup>3</sup> от 17 марта 2014 года, которые установили режим запрета въезда и блокировки активов в отношении указанных в них лиц;
- Решение Совета ЕС № 2014/386<sup>4</sup> от 23 июня 2014 года и Регламент ЕС № 692/2014<sup>5</sup> от 23 июня 2014 года, которые установили режим ограничения экономических отношений с Крымом;
- Решение Совета ЕС № 2014/512<sup>6</sup> и Регламент ЕС № 833/2014 «Об ограничительных мерах в связи с действиями России, дестабилизирующими ситуацию на территории Украины», которые ввели секторальные санкции в отношении российских лиц (в том числе их дочерних компаний и лиц, действующих от их имени или под их контролем)<sup>7</sup>.

### *Процедура введения и обжалования ограничительных мер ЕС*

---

<sup>2</sup> Council Decision 2014/145/CFSP of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine. OJ L 78, 17 March 2014, p. 16

<sup>3</sup> Council Regulation (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine. OJ L 78, 17 March 2014, p. 6

<sup>4</sup> Council Decision 2014/386/CFSP of 23 June 2014 concerning restrictions on goods originating in Crimea or Sevastopol, in response to the illegal annexation of Crimea and Sevastopol. OJ L 183, 24 June 2014

<sup>5</sup> Council Regulation (EU) No 692/2014 of 23 June 2014 concerning restrictions on the import into the Union of goods originating in Crimea or Sevastopol, in response to the illegal annexation of Crimea and Sevastopol. OJ L 183, 24 June 2014, p. 9

<sup>6</sup> Council Decision 2014/512/CFSP of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. OJ L 229, 31 July 2014, p. 13

<sup>7</sup> Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. OJ L 229 31.7.2014, p. 1

При оценке предложений о введении ограничительных мер Совет ЕС обязан на основе имеющихся доказательств оценить, соответствует ли фактическое поведение лица основаниям для введения ограничительных мер. При этом Совет ЕС обязан при исследовании каждого конкретного случая определить качество имеющихся в его распоряжении материалов, подтверждающих фактическое поведение лица, и в случае сомнений предпринять все необходимые меры по истребованию и получению недостающих сведений и документов<sup>8</sup>.

В соответствии со статьей 296 ДФЕС правовые акты должны быть мотивированными. В силу этого неисполнение Советом обязанности указать причины введения ограничительных мер ведет к признанию вынесенного акта недействительным.

Вводящие ограничительные меры решения и регламенты вступают в силу с момента их официального опубликования в Официальном журнале Европейского Союза.

Физические и юридические лица, в отношении которых вводятся ограничительные меры, уведомляются о них или индивидуально письмом, если их адрес известен Совету, или посредством публикации Советом в серии "С" Официального журнала Европейского Союза уведомления. Предварительное уведомление о планируемом введении ограничительных мер не требуется.

Совет Европейского Союза при принятии решения о введении ограничительных мер обязан обеспечить соблюдение основных прав, гарантированных на уровне ЕС<sup>9</sup>. Перечень таких прав закреплен в Хартии Европейского Союза об основных правах (далее – Хартия).

Статье 42 Хартии закрепляет право каждого лица на доступ к затрагивающему его информационному досье при соблюдении законных

---

<sup>8</sup> Case T-290/17 *Edward Stavytskyi v. Council of the European Union*, Judgment of 30 January 2019, paragraphs 95, 131, 133.

<sup>9</sup> Joined Cases C-584/10 P, C-593/10 P and C-595/10 P *European Commission and Others v Yassin Abdullah Kadi*, Judgment of 13 July 2013, paragraph 97 and 98; Case C-348/12 P *Council of the European Union v Manufacturing Support & Procurement Kala Naft Co., Tehran*, Judgment of 28 November 2013, paragraphs 65 and 66; Case C-599/14 P *Council of the European Union v Liberation Tigers of Tamil Eelam (LTTE)*, Judgment of 26 July 2017, paragraph 25.

интересов в виде конфиденциальности, профессиональной и коммерческой тайны.

В силу этого для подготовки заявления об отмене введенных санкций Совета целесообразно запросить у него досье на заявителя. Однако срок предоставления запрошенных сведений может занимать несколько месяцев, в силу чего при подготовке первоначальной позиции желательно опираться именно на те основания, которые приведены в акте, вводящем санкции.

Решения Совета, вводящие ограничительные меры ЕС, обычно действуют в течение 12 месяцев. Прежде чем принять решение о продлении такого решения Совета, Совет обязан провести оценку их актуальности. В случае, если обстоятельства, исходя из которых принималось решение о введении ограничительных мер, отпали, Совет обязан не продлевать действие ограничительных мер в отношении соответствующих лиц.

Однако Совет вправе изменить основания, в связи с которыми принимается решение о продлении действия ограничительных мер, или сослаться на новые обстоятельства, подтверждающие соответствие лица основаниям для применения ограничительных мер. Предварительное исключение из санкционного списка для этого не требуется. О принятом решении и мотивах его принятия Совет обязан известить подсанкционное лицо.

Само обжалование может осуществляться в административном и судебном порядке. Далее будут проанализированы аспекты, связанные с судебным обжалованием.

#### *Судебное обжалование ограничительных мер*

Возможны два варианта судебного обжалования:

- 1) обращение в нижнее звено судебной системы ЕС – Трибунал (фр. *Tribunal*, англ. *General court*) с иском об обжаловании самих регламента и решения Совета ЕС, которыми вводятся блокирующие санкции в той части, в которой они касаются заявителя (иск об аннулировании);

2) обращения в национальные суды с требованием о разморозке с последующим заявлением ходатайства о направлении преюдициального запроса в Суд ЕС.

Возможность непосредственного обращения в звенья судебной системы ЕС предусмотрена статьей 275 ДФЕС, согласно которой суд уполномочен выносить решения по искам, подаваемым на условиях, предусмотренных в параграфе 4 статьи 263 ДФЕС, в целях контроля правомерности решений, которыми предусматриваются ограничительные меры против физических или юридических лиц. Согласно параграфу 6 статьи 263 ДФЕС иски об обжаловании санкций должны быть поданы в течение двухмесячного срока, который отсчитывается с момента уведомления об оспариваемом акте истца. Порядок уведомления описан в пункте 55 настоящего Заключение.

Возможность рассмотрения вопроса о действительности введенных ЕС ограничительных мер в рамках рассмотрения преюдициального запроса подтверждена Судом ЕС в решении по делу «Роснефть»<sup>10</sup>. Сроки обращения в национальные суды определяются процессуальным законодательством каждого из государств-членов Европейского Союза.

Как при прямом обращении в Суд ЕС, так и через процедуру преюдициального запроса, для обоснования незаконности акта Союза, как и в российском праве, необходимо будет доказать, что оспариваемое Решение или Регламент адресовано такому лицу, и что такие акты нарушают их права, свободы и законные интересы или создают иные препятствия для осуществления таких прав, свобод, законных интересов.

В соответствии с судебной практикой ЕС (еще начиная с дела Ротенберга<sup>11</sup>) Суд считает соответствующим учредительным договорам ЕС санкционные регламенты ЕС по Украине в целом, а также право Совета вносить в санкционные списки лиц, ответственных за действия, которые подрывают или угрожают территориальной целостности, суверенитету или

---

<sup>10</sup> Case C-72/15 *PJSC Rosneft Oil Company v Her Majesty's Treasury and Others*, Judgment of 28 March 2017

<sup>11</sup> Case T-720/14 *Arkady Romanovich Rotenberg v Council of the European Union*, Judgment of 30 November 2016.

независимости Украины, а также лиц, которые активно поддерживают, как финансово, так и реальными действиями, или извлекают выгоды от таких лиц.

Соответственно, оспариванию будет подлежать акт ЕС только в части, затрагивающей заявителя.

Само право ЕС прямо не предусматривает возможности обжалования ограничительных мер государством, на которое наложены санкции (пар. 1 ст. 275 ДФЕС). Таким образом, единственными заявителями, прямо наделенными учредительными договорами правом оспаривать законность примененных санкций, могут стать только частные лица.

При этом следует оговориться, что Трибунал уже в ряде случаев признавал юридическим лицом и третьи страны для целей ст. 263(4) ДФЕС, позволяющей физическим и юридическим лицам обжаловать акты Союза, затрагивающие их права и интересы<sup>12</sup>. Однако в любом случае для признания государства стороной по делу, оспариваемому по правилам ст. 263(4) ДФЕС Трибунал требует еще доказать, что оспариваемые меры непосредственно и индивидуально затрагивают государство-заявителя<sup>13</sup>.

Данный подход критикуется Генеральным адвокатом Хоганом, полагающим, что факт наличия у государства-заявителя разнообразных полномочий, которые не являются исключительно коммерческими по своему характеру, ни коим образом не отменяет косвенного воздействия ограничительных мер на правовое положение государства-заявителя<sup>14</sup>.

Совет ЕС, в свою очередь, не разделяет подход Генерального адвоката, полагая, что третьи страны не являются частью правовой системы ЕС и в принципе не могут иметь доступ к его судебной системе. Кроме того, по мнению Совета, подход Генерального адвоката позволяет государствам оспаривать меры, которые формально адресованы не им, а их юридическим лицам, а также расширяет компетенцию Суда ЕС в сфере ОВПБ. Таким

---

<sup>12</sup> См., например, Case T-246/19 *Cambodge and CRF v Commission* [2020] ECLI:EU:T:2020:415, para 51, Case T-257/04 *Republic of Poland v Commission of the European Communities* [2009] ECLI:EU:T:2009:182, paras 51-52.

<sup>13</sup> см. Case T-65/18 *République bolivarienne du Venezuela v Council of the European Union* [2019] ECLI:EU:T:2019:649, paras 47-51.

<sup>14</sup> Opinion of Advocate General Hogan in Case C-872/19 P *Bolivarian Republic of Venezuela v Council of the European Union* [2021] ECLI:EU:C:2021:37, para 121.



образом, по мнению Совета, позиция Генерального адвоката станет своеобразной лазейкой, позволяющей третьим странам использовать судебные органы ЕС для разрешения международных споров между субъектами международного публичного права.

Комиссия ЕС заняла более умеренную позицию. Она подчеркивает, что понятие «юридическое лицо» в значении четвертого параграфа статьи 263 ДФЕС можно понимать по-разному. С одной стороны, толкование данной нормы, основанное на принципе равенства государств, привело бы к выводу, что третьи страны подпадают под действие рассматриваемой нормы только в том случае, если они действуют в частном качестве (*acta jure gestionis*) или имеют доступ к Суду ЕС в соответствии с международным соглашением, заключенным ими с Европейским Союзом. Такое толкование соответствовало бы принципу эффективной судебной защиты, поскольку оно не отказывало бы в праве правовой защиты третьему государству, но предоставляло бы этому государству доступ к судам ЕС в зависимости от характера действий, совершаемых этим государством.

С другой стороны, по мнению Комиссии, если будет принята телеологическая интерпретация четвертого параграфа статьи 263 ДФЕС, руководствуясь желанием предоставить расширенный доступ к судебной системе ЕС, ничто не препятствует толкованию этого положения таким образом, чтобы включить третьи государства в понятие «юридическое лицо», если эти государства решат подчиниться юрисдикции судов ЕС. Таким образом, если Европейский Союз принимает односторонний акт, который потенциально затрагивает интересы третьего государства, и это государство предпочитает подать иск против этой меры в суды ЕС, а не использовать международный механизм урегулирования споров, нет причин, по которым Суды ЕС должны отказываться рассматривать такое дело из принципа, не проверяя, выполнены ли все соответствующие условия приемлемости.

Тем не менее, окончательное решение вопроса оставалось за Судом ЕС<sup>15</sup>.

В решении по делу C-872/19 P Суд ЕС принял расширительный подход<sup>16</sup>, в целом согласившись с позицией Генерального адвоката Хогана.

Как подчеркнул Суд, параграф 4 ст. 263 ДФЕС в свете права на эффективное судебное разбирательство и принципа верховенства права позволяет необходимо толковать как позволяющий рассматривать третьи страны как «юридические лица», поскольку такое юридическое лицо, регулируемое международным публичным правом, с равной вероятностью, как и любое другое физическое или юридическое лицо, может столкнуться с неблагоприятным воздействием на его права или законные интересы в результате применения актов Европейского Союза, и поэтому оно должно иметь возможность в соответствии с условиями учредительных договоров ЕС добиваться отмены такого акта ЕС. Тем не менее, применение пар. 4 ст. 263 ДФЕС к третьей стране возможно только при соблюдении иных условий, изложенных в данной норме<sup>17</sup>. Таким образом, третьей стране при обжаловании ограничительных мер ЕС придется доказать, что она либо является адресатом таких мер, либо такие акты непосредственно и индивидуально ее затрагивают<sup>18</sup>.

Соответственно в силу ст. 263 ДФЕС Суд ЕС помимо прочего контролирует правомерность актов органов или учреждений Союза, направленных на создание правовых последствий в отношении третьих лиц. Любое физическое или юридическое лицо, а теперь и третья страна могут подавать иски против актов, адресатом которых оно является либо которые

---

<sup>15</sup> В некоторой степени в поддержку аргумента о возможности признания третьей страны заявителем по делам, рассматриваемым по ст. 263(4) ДФЕС, говорит практика Суда по объединенным делам 91/82 and 200/82 *Chris International Foods Ltd v Commission of the European Communities* [1983] ECLI:EU:C:1983:45.

<sup>16</sup> Case C-872/19 P *République bolivarienne du Venezuela v Council of the European Union* [2021] ECLI:EU:C:2021:507, para 44.

<sup>17</sup> Case C-872/19 P *République bolivarienne du Venezuela v Council of the European Union* [2021] ECLI:EU:C:2021:507, para 50.

<sup>18</sup> Следует отметить, что трактовка этих понятий весьма широкая. Так в деле C-872/19 P Суд ЕС признал, что ссылка «на любое физическое или юридическое лицо, организацию в Венесуэле или действующую в Венесуэле» при введении ограничений на деятельность таких лиц в Венесуэле и их взаимодействие с венесуэльскими субъектами, достаточна для признания Регламента 2017/2063, вводящего ограничительные меры в связи с ситуацией в Венесуэле, прямо и непосредственно затрагивающим саму Венесуэлу (пар. 69).

непосредственно и индивидуально его затрагивают, а также против регламентарных актов, которые непосредственно его затрагивают и не требуют исполнительных мер. Принимая во внимание положения пар. 2 ст. 275 в случае с санкциями эти положения также применимы, т.к. речь идет об актах, которые непосредственно и индивидуально затрагивают соответствующее лицо. Кроме того, при соблюдении тех же критериев вопрос о действительности акта Союза, вводящего ограничительные меры, может быть рассмотрен в рамках процедуры преюдициальных запросов<sup>19</sup>.

Таким образом, как и в российском праве, при обжаловании нормативных актов лицо должно доказать, что оспариваемые решение или регламент адресованы такому лицу и что эти акты нарушают их права, свободы и законные интересы или создают иные препятствия для осуществления таких прав, свобод, законных интересов.

В отношении обжалования нахождения в санкционных списках при формировании правовой позиции необходимо ориентироваться на следующие аспекты<sup>20</sup>:

- соблюдена ли установленная процедура;
- обоснованы ли должным образом мотивы включения лица;
- соответствуют ли принятые решения фактическим обстоятельствам;
- не установлено ли превышение полномочий.

Для того, чтобы можно было дать оценку действий лица, на Совет возлагается обязанность обосновать включение в санкционный список. Эффективность судебного пересмотра, гарантированного статьей 47 Хартии, требует, чтобы решения о введении ограничительных мер принимались на прочной фактической основе. В частности, при обжаловании подлежит проверке фактические утверждения, приведенные Советом при обосновании законности внесения в санкционный список. При этом пересмотр не может ограничиваться оценкой убедительности в абстрактном изложении причин, на

---

<sup>19</sup> Case C-72/15 *PJSC Rosneft Oil Company v Her Majesty's Treasury and Others* [2017] ECLI:EU:C:2017:236, para 81.

<sup>20</sup> Case T-720/14 *Arkady Romanovich Rotenberg v Council of the European Union*, Judgment of 30 November 2016, paragraph 70; Joined Cases T-307/12 and T-408/13 *Adib Mayaleh v Council of the European Union*, Judgment of 5 November 2014, paragraph 127.

которые ссылается Совет ЕС, но должен касаться того, являются ли эти причины или, по крайней мере, одна из этих причин, достаточно обоснованными для поддержки этого решения<sup>21</sup>.

Выбор правовой основы для ограничительных мер ЕС должен основываться на объективных факторах, поддающихся судебному пересмотру, включая цель и содержание соответствующих мер<sup>22</sup>. Цель ограничительных мер должна быть четко сформулирована и согласовываться с общей стратегией Союза в соответствующей области и не может иметь чисто экономической мотивации.

Как подчеркивается Судом, обязанность давать обоснование внесения в санкционный список вытекает из принципов права Европейского Союза и отступления от этой обязанности возможны только по веским причинам<sup>23</sup>. Таким образом, Совет должен известить лицо, против которого применяются санкции, о причинах, послуживших основанием для их введения, а также о нормах права, выступающих правовым обоснованием для применения соответствующих мер. Эти основания должны быть доведены до лица, против которого применяются ограничительные меры, одновременно с актом, ухудшающим правовое положение такого лица. При этом несвоевременное исполнение этой обязанности не может быть компенсировано тем, что такое обоснование будет предоставлено лицу во время судебного разбирательства в Суде ЕС<sup>24</sup>.

Это делается, во-первых, с целью предоставления заинтересованному лицу достаточной информации, позволяющей определить, является ли действие обоснованным или при его принятии допущена ошибка,

---

<sup>21</sup> Joined Cases C-584/10 P, C-593/10 P and C-595/10 P *European Commission and Others v Yassin Abdullah Kadi*, Judgment of 13 July 2013, paragraph 119; Joined Cases T-694/13 and T-2/15 *Vadzim Ipatov v Council of the European Union*, Judgment of 23 November 2016, paragraph 42; Case C-176/13 P *Council of the European Union v Bank Mellat*, Judgment of 18 February 2016, paragraph 109.

<sup>22</sup> Case C-130/10 *Parliament v. Council of the European Union*, Judgment of 19 July 2012, paragraph 42; Case C-330/15 P *Tomana and Others v. Council and Commission*, Judgment of 28 July 2016, paragraph 37; C-453/03, C-11/04, C-12/04 and C-194/04 *ABNA and Others*, Judgment of 6 December 2005, paragraph 53.

<sup>23</sup> Case T-228/02 *Organisation des Modjahedines du peuple d'Iran v Council of the European Union*, Judgment 15 January 2008, paragraphs 53, 137, Case T-496/10 *Bank Mellat v Council of the European Union*, Judgment of 18 February 2016 paragraph 54; Case T-24/11 *Bank Refah Kargaran v Council of the European Union*, paragraph 71.

<sup>24</sup> Case T-390/08 *Bank Melli Iran v Council of the European Union*, Judgment of 14 October 2009, paragraph 80, Case T-496/10 *Bank Mellat v Council of the European Union*, Judgment of 29 January 2009, paragraph 49.

позволяющая оспаривать его действительность в судах и, во-вторых, с целью позволить этим судам проверять законность акта. Обоснование предпринимаемой меры должно быть конкретным и конкретным<sup>25</sup> и в принципе не может состоять лишь из общей, стереотипной формулировки<sup>26</sup>. Неуказание причин не устраняется, если лицо узнает о причинах в ходе разбирательства в суде<sup>27</sup>.

С другой стороны, следует учитывать также и то, что Совет при введении ограничительных мер обладает весьма широким усмотрением<sup>28</sup>. Широкие полномочия Совета, в частности, заключаются в определении лиц и организаций, в отношении которых должны применяться ограничительные меры<sup>29</sup>.

Обязательство излагать причины следует отличать от вопроса о том, являются ли рассуждения обоснованными<sup>30</sup>.

Считается, что Совет выполнил свои обязательства по изложению причин, даже если просто указал на характер деяний, которые были совершены подсанкционным лицом, без указания каких-либо подробностей<sup>31</sup> в отношении конкретных деяний.

Совет не оценивает достоверность предоставленных ему данных, по существу, так как просто не имеет для этого возможности<sup>32</sup>. Он просто

---

<sup>25</sup> Case T-245/15 *Oleksandr Viktorovych Klymenko v Council of the European Union*, Judgment of 8 November 2017, paragraph 56.

<sup>26</sup> Case T-390/08 *Bank Melli Iran v Council of the European Union*, Judgment of 14 October 2009 paragraph 81.

<sup>27</sup> Case T-390/08 *Bank Melli Iran v Council of the European Union*, Judgment of 14 October 2009, paragraph 80.

<sup>28</sup> Joined cases C-584/10 P, C-593/10 P and C-595/10 P *Commission and Others v. Kadi*, Judgment of 18 July 2013, paragraph 67; Case C-348/12 P *Council v. Manufacturing Support & Procurement Kala Naft*, paragraph 65; Case T-578/12 *National Iranian Oil Company v. Council*, paragraph 108; Case T-331/14 *Azarov v. Council*, paragraph 43; Case T-340/14 *Klyuyev v. Council*, paragraph 90; Case T-245/15 *Klymenko v. Council*, paragraph 77.

<sup>29</sup> Joined cases C-584/10 P, C-593/10 P and C-595/10 P *European Commission and Others v. Kadi*, Judgment of 18 July 2013, paragraph 67; Case C-348/12 P *Council v. Manufacturing Support & Procurement Kala Naft*, Judgment of 28 November 2013, paragraph 65; Case T-578/12 *National Iranian Oil Company*, Judgment of 16 July 2014, paragraph 108; Case T-331/14 *Mykola Yanovych Azarov v Council of the European Union*, Judgment of 28 January 2016, paragraph 43; Case T-340/14 *Andriy Klyuyev v Council of the European Union*, Judgment of 15 September 2016, paragraph 90; Case T-245/15 *Oleksandr Viktorovych Klymenko v Council of the European Union*, Judgment of 8 November 2017, paragraph 77.

<sup>30</sup> Case C-17/99 *France v. Commission*, Judgment of 22 March 2001, paragraph 35; Case C-417/11 P *Council v. Bamba*, Judgment of 15 November 2012, paragraphs 53,54; Case T-245/15 *Oleksandr Viktorovych Klymenko v Council of the European Union*, Judgment of 8 November 2017, paragraph 55.

<sup>31</sup> Case T-149/15 *Sirine Bent Zine El Abidine Ben Haj Hamda Ben Ali v Council of the European Union*, Judgment of 5 October 2017, paragraph 97; Case T-200/14 *Mehdi Ben Tijani Ben Haj Hamda Ben Haj Hassen Ben Ali v Council of the European Union*, Judgment of 14 April 2016, paragraph 100.

<sup>32</sup> Opinion on a notification for Prior Checking received from the Data Protection Officer of the European Commission regarding the Processing of personal data in connection with regulations requiring asset freezing as CFSP related restrictive measures, European Data Protection Supervisor, Brussels, 22.02.2012, p. 15.

излагает вопросы факта и права, опираясь на которые он выносит решение о применении ограничительных мер<sup>33</sup>.

Таким образом, проверке будет подлежать не само обстоятельство, а наличие оснований у Совета полагать, что такое обстоятельство имело место на момент принятия решения о применении ограничительных мер<sup>34</sup>. Суд удостоверяется в том, что оспариваемое решение, затрагивающее лицо, было принято на достаточно прочной фактической основе, то есть было подтверждено достаточно конкретными и надежными доказательствами<sup>35</sup>.

Хотя Совет не оценивает точность данных, по существу, он обязан проверить юридическую обоснованность предлагаемого изложения оснований для включения в санкционный список<sup>36</sup>. С этой целью Совет обязан запрашивать у компетентных органов разъяснения в отношении материалов, на которых основаны соответствующие расследования<sup>37</sup>.

В этом плане показательным делом является дело Аркадия Ротенберга. Совет ЕС не смог доказать соответствие Ротенберга критериям внесения в санкционный список в 2014 году. Приведенные Советом доказательства касались периодов времени, предшествовавших началу агрессии России против Украины (как это было с аргументом о получении подрядов по организации Олимпиады), а также основывались на простых заявлениях о якобы связи Ротенберга с юридическим лицом, контролирующим «Гипротрансмот» (при чем Совет в этом случае даже не представил заслуживающих внимания доказательств).

---

<sup>33</sup> Case T-390/08 *Bank Melli Iran v Council of the European Union*, Judgment of 14 October 2009, paragraph 81; Joined cases T-307/12 and T-408/13 *Mayaleh v. Council of the European Union*, Judgment of 5 November 2014, paragraph 86.

<sup>34</sup> Case T-63/12 *Oil Turbo Compressor v. Council of the European Union*, Judgment of 26 October 2012, paragraph 19; Case T-322/01 *Roquette Frères v. Commission*, Judgment of 27 September 2006, paragraph 325; Case T-221/15 *Arbuzov v. Council*, Judgment of 7 July 2017, paragraph 141.

<sup>35</sup> Case C-584/10 P *European Commission and Others v Yassin Abdullah Kadi*, Judgment of 18 July 2013, paragraph 119; Case C-348/12 P *Council v. Manufacturing Support & Procurement Kala Naft*, Judgment of 28 November 2013, paragraph 73; C-605/13 P *Anbouba v. Council of the European Union*, Judgment of 21 April 2015, paragraphs 41, 45; Case C-530/17 P *Mykola Yanovych Azarov v Council of the European Union*, Judgment of 19 December 2018, paragraph 43.

<sup>36</sup> Opinion on a notification for Prior Checking received from the Data Protection Officer of the European Commission regarding the Processing of personal data in connection with regulations requiring asset freezing as CFSP related restrictive measures, European Data Protection Supervisor, Brussels, 22.02.2012, p. 15.

<sup>37</sup> Case T-545/13 *Al Matri v. Council of the European Union*, Judgment of 30 June 2016, paragraph 68; Case T-245/15 *Klymenko v. Council of the European Union*, Judgment of 8 November 2017, paragraph 74.

Но при этом степень усмотрения Совета при принятии решений о введении ограничительных мер остается широкой. В последующей практике в деле *Almaz-Antey* заявитель, один из крупнейших производителей оружия, в том числе ракет класса «земля-воздух», отрицал какую-либо прямую причастность к процессу дестабилизации Украины и потребовал разморозки своих активов на 2015 – 2016 годы. Однако Суд не рассматривал подробно вопрос, касающийся изготовленного оружия, поставляемого на Донбасс. Суд постановил, что сам факт осуществления компанией осуждаемой Европейским Союзом деятельности может быть достаточным для принятия решения о замораживании ее активов<sup>38</sup>.

При таких обстоятельствах основанием для отмены может стать ситуация, когда будет очевидно, что лицо, к которому применены ограничительные меры, в принципе не имеет отношения к деятельности, занятие которой может стать причиной введения ограничительных мер.

Еще одной группой оснований для отмены акта, вводящего ограничительные меры, являются процедурные нарушения. К ним можно отнести и нарушение обязанности предоставить мотивы, по которым вводятся ограничительные меры против конкретных лиц<sup>39</sup>. В настоящее время отсутствуют судебные акты в отношении российских физических и юридических лиц, в рамках которых было бы установлено нарушение процедур принятия соответствующих актов.

Еще одним основанием для отмены ограничительных мер является нарушение актами, их вводящими, прав человека<sup>40</sup>.

Однако сам по себе факт ограничения прав лица не является противоречащим праву ЕС. Согласно статье 51 Хартии при соблюдении принципа пропорциональности ограничения могут налагаться в случаях, когда они являются необходимыми и действительно служат общим интересам,

---

<sup>38</sup> Case T-255/15, *Almaz-Antey Air and Space Defence v. Council of the European Union*, Judgment of 25 January 2017.

<sup>39</sup> Art. 263(2) The Treaty on the Functioning of the European Union

<sup>40</sup> Guidelines on implementation and evaluation of restrictive measures (sanctions) in the framework of the EU Common Foreign and Security Policy, Council of the European Union, 15.06.2012, 11205/12 PESC 716 RELEX 531 CONUN 84 COARM 136 FIN 425, p. 10, 44.

признанным Союзом, или потребности в защите прав и свобод других лиц. Цели ограничительных мер в отношении России были признаны Судом целями, служащими общим интересам.

Таким образом, проблема заключается не в самом факте ограничения прав человека актом Европейского Союза, но в балансе между уровнем таких ограничений и общим интересом, защищаемым Союзом, то есть санкции могут ограничивать основные права, но такие ограничения должны быть пропорциональными и обоснованными с позиций конкурирующих интересов различных групп. Соответственно, если доказать дисбаланс таких интересов и принятой меры, можно оспорить введенные санкции.

Что касается пропорциональности вводимых ограничений в контексте защиты прав человека, стоит учитывать, что согласно прецедентному праву в отношении судебного контроля за соблюдением принципа пропорциональности Совету ЕС должна быть предоставлена широкая свобода действий в областях, которые включают политический, экономический и социальный аспекты с его стороны, и в которых он призван проводить комплексные оценки. Следовательно, законность меры, принятой в этих областях, может быть оспорена только в том случае, если эта мера явно неуместна с учетом цели, которую стремится достичь компетентное учреждение<sup>41</sup>. Например, законность введения блокирующих санкций в отношении российских юридических лиц, осуществляющих поставки для российских вооруженных сил, была подтверждена Судом ЕС в решении по делу T-515/15 *Joint-Stock Company "Almaz-Antey" Air and Space Defence Corp., formerly OAO Concern PVO Almaz-Antey v Council of the European Union*.

Решения Совета ЕС, вводящие ограничительные меры, действуют по общему правилу 12 месяцев. Совет при продлении действия ограничительных мер обязан проверять, сохраняются ли основания для их введения. О принимаемых решениях должны быть извещены лица, в отношении которых

---

<sup>41</sup> Case C-72/15 *PJSC Rosneft Oil Company v Her Majesty's Treasury and Others*, Judgment of 28 March 2017, paragraph 146; Case T-515/15 *Joint-Stock Company "Almaz-Antey" Air and Space Defence Corp., formerly OAO Concern PVO Almaz-Antey v Council of the European Union*, Judgment of 13 September 2018, paragraph 142.



санкции продлеваются. Таким образом, возможно обжалование не только первоначальных решений о введении санкций, но и решений об их продлении.

Как и при обжаловании первоначального решения, Совет должен будет предоставить доказательства того, что хотя бы одно из приведенных им обоснований необходимости продления ограничительных мер само по себе является достаточным и надежным<sup>42</sup>.

В данном случае показателен пример Ливийской африканской инвестиционной компании (LAICO). Компания была учреждена режимом Каддафи еще в 1990 и непосредственно контролировалась государством. На основании этого Совет ЕС ввел санкции против LAICO в 2011 г., которые постоянно продлевались.

После смены режима Каддафи и прихода к власти Правительства национального согласия управление компанией продолжило осуществляться властями Ливии. При этом все участвовавшие при Каддафи в управлении компанией лица были отстранены от должностей.

Несмотря на это в обосновании решения о продлении санкций Советом ЕС указывалось, что LAICO «тесно связана со свергнутым режимом М. Каддафи».

Рассматривая иск LAICO об оспаривании решения о продлении санкций Суд ЕС указал на явную ошибку в оценке критерий введения санкции предусматривал 2 условия: во-первых, связанность со свергнутым режимом и, во-вторых, продолжение негативного влияния на ливийскую политическую жизнь. Суд ЕС согласился с доводом истца, что абсурдно обвинять в разрушении политической жизни государственную компанию, контролируемую легитимным и международно признанным правительством. Санкции не устояли также по причине их необоснованности.

Наиболее интересно в деле то, что в данном случае Суд ЕС не принял ссылку Совета ЕС на предоставленное Совету право широкого усмотрения. Как подчеркнул Суд, когда речь идет о формировании оснований введения

---

<sup>42</sup> Case C-348/12 P *Council of the European Union v Manufacturing Support & Procurement Kala Naft*, Judgment 28 November 2013, paragraph 72; Case C-530/17 P *Mykola Yanovych Azarov v Council of the European Union*, Judgment of 19 December 2018, paragraph 38.

санкций, усмотрение Совета ЕС максимально широко, хотя и не выведено из-под судебного контроля. Но если речь идет о применении таких критериев и тем более о продлении уже введенных санкций, усмотрение Совета ограничено.

Отдельно следует рассмотреть позиции Суда ЕС применительно к наиболее часто используемому основанию введения санкций в отношении российского бизнеса: деятельность «в секторах экономики, обеспечивающих существенный доход Правительству Российской Федерации, которое несет ответственность за аннексию Крыма и дестабилизацию Украины»<sup>43</sup>.

Это основание позволяет вводить санкции исключительно в связи с деятельностью в определенном секторе экономики. Внесенные поправки освободили Совет ЕС от обязанности доказать связь лица с правящим режимом.

Достаточно полно данный подход Суда ЕС описывается в решении по делу *Ternavsky v Council*: «в такой стране, как Беларусь, экономическая деятельность в масштабах компаний заявителя невозможна без одобрения режима президента Лукашенко. Этот аспект нельзя игнорировать при общей оценке различных элементов, оправдывающих тот факт, что заявитель рассматривается как лицо, получающее выгоду от режима президента Лукашенко»<sup>44</sup>.

Фактически в настоящее время действует опровержимая презумпция связи с политическим режимом<sup>45</sup>. Эта презумпция подлежит применению, если Совет ЕС докажет факт деятельности в определенном секторе экономики конкретной страны и возможность охарактеризовать лицо как «влиятельное» (leading business person)<sup>46</sup>.

Для доказывания этих обстоятельств Совет ЕС может опираться на широкий круг источников. Как подчеркивает Суд ЕС, в отсутствие

---

<sup>43</sup> Article 3(1)(g) Council Regulation (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // OJ L 78, 17.3.2014, p. 6.

<sup>44</sup> Case T-163/12 *Anatoly Ternavsky v Council of the European Union*, paragraph 121.

<sup>45</sup> См., по аналогии Case T-5/17 *Ammar Sharif v Council of the European Union*, paragraph 106; Case T-231/15 *RENV George Haswani v Council of the European Union*, paragraph 60.

<sup>46</sup> См., по аналогии Case T-479/21 *George Haswani v Council of the European Union*, paragraph 123.

следственных полномочий в третьих странах оценка властей Европейского Союза должна, по сути, опираться на общедоступные источники информации, отчеты, статьи в прессе или другие аналогичные источники информации<sup>47</sup>.

В соответствии с устоявшейся судебной практикой деятельность Суда ЕС и суда общей юрисдикции регулируется принципом свободной оценки доказательств, и единственный критерий оценки ценности доказательств заключается в их достоверности. В частности, для оценки доказательной силы документа необходимо проверить достоверность содержащихся в нем сведений с учетом происхождения документа, обстоятельств его составления, его получателя, а также разумность и надежность содержащейся в нем информации<sup>48</sup>. Таким образом, в свете вышеизложенного и в отсутствие какого-либо элемента в деле, который мог бы поставить под сомнение надежность источников, использованных Советом ЕС, уместно признать, что они разумны и надежны<sup>49</sup>.

Более точечным основанием является «получение выгод от взаимодействия с Российской Федерацией, в том числе получение выгод от лиц, принимающих решения в России и ответственных за аннексию Крыма или дестабилизацию Украины»<sup>50</sup>. Также возможно введение санкций в отношении лиц, которые материально или финансово поддерживают действия, подрывающие или угрожающие территориальной целостности, суверенитету и независимости Украины<sup>51</sup>.

При использовании данных оснований придется доказывать факт поддержки и получение выгод от взаимодействия с лицами, ответственными за реализацию соответствующей политики.

Как показывает опыт оспаривания ограничительных мер, введенных в рамках «белорусской программы», для признания актов о введении

---

<sup>47</sup> Case T-479/21 *George Haswani v Council of the European Union*, paragraph 107.

<sup>48</sup> Case T-343/06 *Shell Petroleum NV and Others v European Commission*, paragraph 161.

<sup>49</sup> Case T-479/21 *George Haswani v Council of the European Union*, paragraph 112.

<sup>50</sup> Article 3(1)(f) Council Regulation (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // OJ L 78, 17.3.2014, p. 6.

<sup>51</sup> Article 3(1)(b) Council Regulation (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // OJ L 78, 17.3.2014, p. 6.

ограничительных мер законными недостаточно простого указания на связи подсанкционного лица с правящей элитой. Например, в деле Владимира Пештиева Суд ЕС указал на обязанность Совета ЕС доказать не просто близость к власти, но и получение выгод. В частности, Суд ЕС отклонил в качестве доказательств сообщения об участии Пештиева в телевизионной передаче с участием президента Лукашенко, а также аргумент Совета ЕС о том, что Пештиев выступал с предложениями о совершенствовании законодательства Беларуси<sup>52</sup>.

Однако следует учитывать, что рассмотренное решение принималось по другой санкционной программе и в отношении российских санкций могут быть применены другие стандарты доказывания. Пока же практика Совета ЕС при введении ограничительных мер в отношении россиян исходит из максимально широкого понимания связей с лицами, ответственными за действия России на Украине: влияние на события на Украине может рассматриваться через призму абстрактного заявления «близок к Кремлю».

Зачастую в качестве доказательств получения выгод от государства рассматривается присуждение государственных контрактов. Ярким примером такой оценки является внесение в санкционный список ЕС Александра Петайкина как лица, являющегося владельцем и директором компаний, занимающихся реализацией государственных проектов для правительств Оренбургской области и республики Башкортостан, на основании чего был сделан вывод о том, что Александр Петайкин является физическим лицом, получающим выгоду от Правительства Российской Федерации, которое несёт ответственность за аннексию Крыма и дестабилизацию Украины<sup>53</sup>. Заключение ООО «Станкофлот» контрактов с корпорацией «Ростех» без проведения специальных закупочных процедур стало одним из оснований

---

<sup>52</sup> Case T-441/11 *Vladimir Peshiev v Council of the European Union*, Judgment of the General Court of 9 December 2014, paragraphs 181, 184.

<sup>53</sup> Пункт 910 Приложения 1 Council Regulation (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine; URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:02014R0269-20220414>

введения блокирующих санкций против Марины Сечиной<sup>54</sup>, бывшей супруги Игоря Сечина, многолетнего соратника Владимира Путина.

Само по себе участие в государственных закупках Судом ЕС не рассматривается как доказательство получения выгод от государства. Важно доказать, что присуждение контракта произошло не в результате успешного прохождения беспристрастных закупочных процедур, а стало результатом связи бизнесмена с правящим режимом<sup>55</sup>.

Однако данный вывод был сделан в отношении другой санкционной программы и может быть не поддержан в исках российских лиц.

Лицам, в отношении которых были введены санкции, важно учитывать, что в ряде случаев даже прекращение занятий соответствующей деятельностью не гарантирует устранение санкционного риска.

В Европейском Союзе прекращение деятельности, послужившей причиной включения в санкционный список, может рассматриваться как основание для отмены санкций<sup>56</sup>. Однако в соответствии с прецедентным правом ЕС сам по себе факт формального прекращения определённой деятельности ещё не является основанием для отказа от применения санкций и их отмены, поскольку прошлые действия могли повлиять на поведение этого лица. Совет ЕС при принятии решения о применении санкций из-за предыдущего поведения лица должен представить надёжные доказательства, из которых можно было бы обоснованно сделать вывод, что это лицо поддерживает связи со структурами, задействованными в осуществлении деятельности, участие в которой является основанием для введения санкций<sup>57</sup>. При этом оставление руководящих должностей в бизнесе при сохранении

---

<sup>54</sup> Пункт 890 Приложения 1 Council Regulation (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine; URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:02014R0269-20220414>

<sup>55</sup> Case T-276/12 Yury Aleksandrovich Chyzh and Others v Council of the European Union, Judgment of the General Court of 6 October 2015, paragraphs 172-173.

<sup>56</sup> Case T-257/19 *Khaldoun Al Zoubi v Council of the European Union*, paragraphs 90-95.

<sup>57</sup> Cases T-42/12 and T-181/12 *Naser Bateni v Council of the European Union*, paragraphs 64 and 65; Case T-328/14 *Mahmoud Jannatian v Council of the European Union*, paragraph 40; Case T-256/19 *Bashar Assi v Council of the European Union*, paragraph 128.

владения соответствующим юридическим лицом не будет свидетельствовать о прекращении деятельности<sup>58</sup>.

Предпринимаемые меры по блокировке имущества подсанкционных лиц были бы неполными, если бы не затрагивали их ближайшее окружение, которое могло бы содействовать в обходе санкций.

В судебной практике Европейского Союза сформировалось два основных подхода к оценке законности введения ограничительных мер в отношении лиц, ассоциируемых с подсанкционными, в зависимости от того, кем является само подсанкционное лицо: (1) политическим деятелем или (2) бизнесменом, получающим выгоды от взаимодействия с властями государства, являющегося целью санкций.

В отношении лиц, ассоциируемых с политическими деятелями, в отношении которых введены блокирующие санкции, могут быть введены санкции, если их связь с руководителями страны под блокирующими санкциями вполне очевидна<sup>59</sup>.

В отношении лиц, ассоциируемых с бизнесменами, получающими выгоды от взаимодействия с властями государства, являющегося целью санкций, простой связи с подсанкционным лицом не достаточно. Применение ограничительных мер к физическим лицам независимо от их личного поведения только на основании их семейных или иных связей с лицами, связанными с лидерами соответствующей третьей страны, противоречит прецедентному праву Суда ЕС<sup>60</sup>. Как показывает анализ правоприменительной практики ЕС, при принятии решения о введении ограничительных мер, Совет ЕС должен будет доказать, что лицо извлекает из связи с подсанкционным лицом выгоду и, следовательно, связан с ним<sup>61</sup>.

*Взыскание убытков, причиненных незаконным введением ограничительных мер*

---

<sup>58</sup> Case T-479/21 *George Haswani v Council of the European Union*, paragraph 118.

<sup>59</sup> Case T 407/13 *Bouchra Al Assad v Council of the European Union*, paragraph 97; Case C-376/10 P *Pye Phyo Tay Za v Council of the European Union*, paragraph 68.

<sup>60</sup> Case C-376/10 P *Pye Phyo Tay Za v Council of the European Union*, paragraph 66.

<sup>61</sup> Case T 407/13 *Bouchra Al Assad v Council of the European Union*, paragraph 100.

Сложность до недавнего времени представляла сама система введения санкций: как отмечалось выше, в рамках ОВПБ принимается решение на основании ст. 29 ДЕС, а для того, чтобы гарантировать единообразное применение такого решения Совет принимает на основании ст. 215 ДФЕС регламент, действующий параллельно с решением и обычно воспроизводящий его положения.

Но необходимо учитывать ограниченную сферу компетенции Суда ЕС в сфере ОВПБ: он вправе лишь контролировать соблюдение статьи 40 ДЕС, устанавливающей границы между ОВПБ и другими сферами интеграции в ЕС<sup>62</sup>, и в соответствии со ст. 275(2) ДФЕС законность мер, которые устанавливают ограничительные меры.

В конце 2020 г. была наконец сформулирована правовая позиция Суда ЕС по данному вопросу.

Вырабатывая подход к проблеме взыскания убытков, причиненных незаконным применением ограничительных мер, в свете вышеуказанных положений, Суд признает, что ст. 275(2) ДФЕС прямо не наделяет его юрисдикцией для вынесения решения по иску о возмещении ущерба в связи с ограничительными мерами, основанными на положениях ОВПБ, однако приходит к выводу, что такая юрисдикция подразумевается.

Следуя правовой позиции, выработанной в деле *Роснефть*<sup>63</sup>, Суд ЕС в деле *Bank Refah Kargaran v Council* подчеркнул, что ограниченная юрисдикция в вопросах ОВПБ представляет собой исключение из его общей юрисдикции в соответствии со статьей 19 ДЕС и, следовательно, должна толковаться ограничительно. Кроме того, хотя иск о возмещении ущерба концептуально отличается от проверки законности, он остается неотъемлемым компонентом системы средств правовой защиты ЕС, а также права на эффективное обжалование и на доступ к беспристрастному суду<sup>64</sup>.

---

<sup>62</sup> Подробнее этот вопрос был рассмотрен в гл. I настоящей работы.

<sup>63</sup> Case C-72/15 *PJSC Rosneft Oil Company v Her Majesty's Treasury and Others* [2017] ECLI:EU:C:2017:236, paras 72-74.

<sup>64</sup> Case C-134/19 P *Bank Refah Kargaran v Council of the European Union* [2020] ECLI:EU:C:2020:793, para 32-36. Сходную позицию Суд занял в Case C-872/19 P *République bolivarienne du Venezuela v Council of the European Union* [2021] ECLI:EU:C:2021:507, para 21.

Исходя из этого Суд пришел к выводу, что согласованность и эффективность системы средств правовой защиты Союза, а также необходимость избегать правовых пробелов в этой системе средств правовой защиты требуют, чтобы статья 275(2) ДФЕС толковалась как предоставляющая юрисдикцию для вынесения судебных актов по искам о возмещении ущерба в связи с отмененной ограничительных мер, принятых в рамках ОВПБ. Тем не менее, сам по себе факт отмены акта ЕС, вводящего ограничительные меры, еще не влечет за собой обязательства Союза компенсировать убытки, нужна совокупность следующих условий: неправомерность, наличие ущерба и причинно-следственная связь. При этом если акт отменен по первому из рассмотренных оснований – нарушение Советом обязанности обоснование при принятии решения о введении ограничительных мер – необходимо будет доказать, что имело место серьезное нарушение принципов верховенства права в действиях Совета. В противном случае в удовлетворении требований о взыскании убытков будет отказано<sup>65</sup>.

---

<sup>65</sup> См., например, Case T-455/17 *Naser Bateni v Council of the European Union* [2021] ECLI:EU:T:2021:411.